

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

Белорусское униатство и православие в жизни Адама Мицкевича

Мировая гуманитарная наука, накопившая за более чем вековую историю изучения жизни и творчества великого поэта многие тысячи самых разных по значимости работ, не ответила на ряд принципиальных по важности вопросов, по сути и не ставила их, часто питалась старыми мифами, создавая новые, а в канун недавнего 200-летнего юбилея «Пророка» вынуждена была признать недостаточность и даже несостоятельность ставшего почти традиционным взгляда на его наследие¹.

К числу существеннейших нерешенных проблем, имеющих определяющее значение для понимания большого числа мицкевических биографических и творческих реалий, принадлежит и вынесенная в заглавие статьи.

Начиная с первых польских монографий о жизни А. Мицкевича земля, на которой он родился, неизменно именуется Польшей². Подобная трактовка по сути не претерпела изменений и до сих пор, когда родная мицкевическая новогрудская околица оказалась в центре нового независимого государства Европы – Республики Беларусь. Можно даже утверждать: категоричное отстаивание именно такого взгляда польскими учеными и литераторами привело к тому, что представители иных стран и народов, не слишком искушенные в знании исторических судеб этносов, веками живущих в этой части Европейского континента, воспринимают его как аксиому. Со стойкос-

тью подобных трактовок и взглядов в той или иной мере и по сей день вынуждены считаться даже белорусские ученые и в Белоруссии, о чем напрямую свидетельствуют, например, материалы ряда международных конференций и сборников, выпущенные в свет в связи с недавним мицкевическим юбилеем³. Любопытно, что в советский период даже академическая наука в Польше никоим образом не обращала внимания на это очевидное фундаментальное «противоречие»⁴, а в постсоветские, т. е. последние, годы польские исследователи в основном возвратились к самоощущениям столетней давности. Парадоксально, но именно такое чувство испытываешь, читая многие современные научные труды польских ученых, посвященные А. Мицкевичу, и еще в большей степени, написанные ими книги для массового читателя⁵. Стоит ли удивляться, что некоторые нынешние польские авторы и вовсе пишут о Новогрудке – родине А. Мицкевича – как о части этнической Польши, а это уже претензии политического характера. Чего, например, стоит такое восклицание: «ТАМ была часть Польши, и более того – всюду ТАМ по-прежнему присутствует Польша»⁶. Это «ТАМ» понимается не только как Новогрудчина, но и шире – как Беларусь в целом. От всего этого несколько веет духом польских военных маршей на территории Беларуси, Литвы, Украины в 1919–1920 гг., когда на улицах Вильно

¹ Лапидарно и весьма точно охарактеризовал это положение в своей поэме «Богословский трактат» нобелевский лауреат Чеслав Милош: «Ten Mickiewicz, po co nim sie zajmowac, jezeli i tak jest wygodny. Zmieniony w rekwizyt patriotyzmu dla pouczenia młodziezy» (См.: Miłosz Cz. Traktat teologiczny // Kontrapunkt. 2001. № 11/12. S. 11).

² См., напр.: Ziemia T. Młodocia Mickiewicza: Obraz pierwszych wpływów na rozwój umysłu i charakteru. Krakow, 1887.

³ См., напр.: Адам Мицкевич і Беларусь. Мінск, 1997; Адам Мицкевич і нацыянальная культура. Мінск, 1998.

⁴ См., напр.: Dernałowicz M., Kostemcz K., Makowiecka Z. Kronika życia i tworczosci Mickiewicza. Lata 1798–1824. [W-wa], 1957.

⁵ См., напр.: прекрасно изданную книгу проф. Я. Лукасевича: Łukasiewicz J. Mickiewicz. Wrocław, 1999.

⁶ Skura Z., Wojska K. Szlakiem Adama Mickiewicza na Białorusi. W-wa, 1997. S. 50.

Памятник Адаму Мицкевичу в Новогрудке на фоне древнего православного Борисоглебского собора. Фото авторов.

(Вильнюса) – столицы бывшего Великого княжества Литовского – можно было прочитать в листовках на белорусском языке: «Бацькаўшчына Касцюшкі, Мицкевіча і Траугутта належыць да Польшчы, як частка непадзельная»⁷. А ведь, если уж и быть точным, то по всем меркам международного права прежних и нынешних времен А. Мицкевич родился, конечно же, не в Польше и даже не в Речи Посполитой, а на территории бывшего Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, вошедшего в состав Российской империи до появления поэта на свет. А. Мицкевич, а опровергнуть это невозможно, оказывается соотечественником А. Пушкина, родившегося в Москве на полгода позднее, и Москва, если уж опять быть абсолютно точным, вместе с Петербургом, через четверть века, проявит к творчеству Мицкевича неподдельный интерес и, по сути, откроет миру одного из величайших поэтов Европы, в то время как Варшава, в которой Мицкевич никогда и не бывал, не приняла его стихов и лишь высокомерно поучала.

Впрочем, если мы будем внимательно читать самого А. Мицкевича, писания которого в полном объеме будут изданы еще очень не скоро⁸, то увидим, что сам он смотрел на свою родную землю и все с ней связанное заметно иначе, нежели современные польские исследователи. Не случайно именно на это противоречие все большее и большее внимание начинают обращать ученыe из новых независимых европейских государств, прежде всего из Литвы и Беларуси. Ссылаясь на ближайших сподвижников и друзей молодого А. Мицкевича и его самого, они поднимают непростой вопрос об «этническом конфликте между Литвинами и Мазурами..., то есть Поляками, существовавшем во времена Мицкевича»⁹. Безоговорочное присвоение Польшей и польской культурой в прошлом и настоящем наследия народов Великого княжества Литовского, в том числе польскоязычного, создававшегося этническими литовцами, белорусами или украинцами, порождает у их нынешних потомков законный протест, тем более что в повестку дня все чаще ставится вопрос о многовековой экспансионистской политике Польши, полонизации местных элит – белорусской, литовской, украинской, постепенно обеспечившей полное польское господство на огромных территориях, никогда не принадлежавших так называемой Короне – Королевству Польскому. Отолоски всех этих продолжающихся борений хорошо видны на примере geopolитических исканий и построений в сфере современной польской гуманитарной и социальной науки – взять хотя бы все, что связано с идеей так называемой Центрально-Восточной Европы, в которую включается западная часть бывшего СССР, в том числе Беларусь, Литва и Украина, за исключением, конечно же, России¹⁰. Эти польские исследовательские «новации», тем не менее, не могут отвлечь от главного, включая сферу наследия народов Великого княжества Литовского, образовавшего в результате

⁷ Цит. по.: Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921. [Переизд.: Минск, 1994]. С. 55.

До сих пор остается неопубликованной значительная часть литературного наследия А. Мицкевича. В настоящий момент ведется работа по изданию наиболее полного собрания его сочинений. О публикациях его литературного наследия прежних времен подробнее см.: Adam Mickiewicz: Zarys bibliograficzny. W-wa, 1957 и др.

⁸ Pirockinas A. Zrodla romantyzmu Adama Mickiewicza // Адам Мицкевич і національна культура. Мінск, 1998. С. 43.

¹⁰ См., напр.: Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T 1–2. Lublin, 2000.

Люблинской унии 1569 г. вместе с Королевством Польским Речь Посполитую. Вот что, например, пишет в данной связи молодой белорусский ученый И. Бобков: «...настоящий культурный / постколониальный диалог на просторах былой Речи Посполитой еще не начинался... И если для Польши это желание забвения реализуется в попытках заменить историю колонизации на историю толерантности / мультикультурности, то в Беларуси, Украине и Литве вместо истории подчиненности на авансцену выходит история герического сопротивления...»¹¹.

Кардинально изменившаяся в конце XX столетия geopolитическая ситуация в Европе и мире, все более нарастающее требование со стороны ученых Беларуси, Литвы и Украины начать с польскими коллегами неизбежный «постколониальный диалог» и пересмотреть многие несправедливые во всех отношениях взгляды на историю и культуру ныне привели к тому, что наиболее чуткие к велениям времени представители польской науки постепенно начинают признавать некоторые весьма очевидные истины, которые еще несколько лет назад они горячо отрицали. Так, недавно на международном семинаре «Культурное наследие Великого княжества Литовского и его значение для сегодняшней Беларуси и Литвы, взаимопонимания в Европе», проходившем весной 2001 г. в Беларуси, известный польский ученый Е. Ключевский вынужден был сказать: «...Речь Посполитая и тем более Великое княжество (Литовское.– Авторы) – это совсем не Польша. Это совместное творение многих народов, которые жили в этих государствах»¹². Едва ли не кульмиационной точкой этого семинара стал момент, когда проф. Е. Ключевский «символически попросил прощения за “исторический польский имперализм”, из-за которого и сами поляки утратили представление о своей национальной идентичности»¹³.

В самом деле, в какой степени «Пан Тадеуш» А. Мицкевича с позиций нынешнего дня – «национальная польская поэтическая эпопея» и только? Да и вообще насколько она действительно именно «польская»? В «Пане Тадеуше» почти с фотографической точностью отображена жизнь родной поэту Новогрудчины, уходящее бытие местной шляхты, добрый старый мир здешних

дворянских усадеб. Именно об этих усадьбах и об этом крае младший современник и земляк А. Мицкевича В. Сырокомля (1823–1862) так много и подробно скажет в «Путешествиях по моим былым околицам»¹⁴, раскрывая перед нами образ этой срединной части Белой Руси – богатой своей историей, своей культурой, оказавшейся в центре земель и судьбоносных перипетий в жизни бывшего Великого княжества Литовского. Он же, В. Сырокомля, напишет еще при жизни А. Мицкевича о языке писаний ближайшего его друга и земляка Яна Чечота: «Это язык нашего Литовского Статута и законодательства... Смело можно говорить, что на нем разговаривали три четверти населения древней Литвы — народ, шляхта и паны. Язык, лишенный письменного выражения, остался сегодня только достоянием сельских хат и имеет, насколько знаю, только двух писателей: одним из них был незабвенный памяти Ян Чечот, другим – В.Д. Марцинкевич»¹⁵. Много напишет о родных местах А. Мицкевича и такой авторитетный младший современник и земляк поэта, как А. Ельский (1834–1916). Для него А. Мицкевич «пророс из родной земли» – Новогрудчины, «родной Литовской Руси»: «Правда, великий наш поэт, черпая дух из народных песен, ничего не писал по-белорусски, а любители его поэзии, кроме небольших фрагментов, совершенно не перелагали работ мастера на белорусское наречие, и это несмотря на то, что Белоруссия имеет неоспоримое право гордиться Мицкевичем, ибо этот величественный дух вырос и разился как тип на почве этого коренного литовского славянства»¹⁶.

Стоит напомнить несколько важнейших моментов из истории Великого княжества Литовского и прежде всего о схождении на его просторе двух христианских миров: исконного православного и экспансивно расширяемого католического. Без этого совершенно невозможно правильно понять и оценить то, о чем писал А. Мицкевич, постичь хотя бы в общих чертах обстоятельства жизни его предков и самого поэта.

Вопрос о христианизации народов Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского всегда казался непростым и запутанным. Однако тезис «о принятии Литвой христианства», «о крещении Литвы» в 1387 г., присутствовавший и все

¹¹ Бабко I. Ежы Гедройц посткаланіяльнае мыслення // Кантакты дыялогі 2001. № 4–5. С.11

¹² Цит. по: Андреева Ю. Гутарка ў зоне чатырохмоўя // Беларускі Дайджэст. 2001. № 7. С. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Syrokomla Wł. Wedrownki po moich niegdyś okolicach. Wilno, 1853.

¹⁵ Syrokomla Wł. Korrespondencya... // Gazeta Warszawska. 1855. 4 ліп.

¹⁶ Jelski A. Adam Mickiewicz na Białorusi // Krai. 1885. № 46. S. 34.

еще присутствующий во множестве работ, являлся не более чем исторической манипуляцией, если не сказать неправдой. К указанному времени, т.е. к концу XIV в., абсолютное большинство жителей Великого княжества Литовского уже несколько столетий исповедовало христианство, было православными христианами. Причем среди них оказалось и немало литовцев, преимущественно представителей высших слоев. Можно даже говорить и о литовской православной литературе тех лет, которая уже существовала к моменту так называемого «крещения Литвы»¹⁷.

Начиная с 1380-х годов на землях Великого княжества Литовского, государства уже вполне христианского, усиленно насаждается католицизм, исповедники которого сразу же получают огромные привилегии от властных государственных структур. Католическая экспансия постепенно охватывает и славянские земли Великого княжества Литовского. Процесс этот идет невероятно медленно, но он успешно развивается и приобретает, в конце концов, необратимый характер. Так появляются и первые католики из числа восточных славян. В течение довольно длительного времени эти католики и их общины сохраняют в основном прежнюю православную обрядность, включая прежде всего литургическую книжность и церковно-славянский язык¹⁸.

Позиции католицизма в Великом княжестве Литовском не были прочными до самой победы Контрреформации. Первая попытка его введения при Миндовге в 1251 г. окончилась полным провалом и была возобновлена лишь через столетие великим литовским князем и будущим польским королем Ягайлом. Среди местного православного населения в деле прозелитизма особенно преуспели в конце XIV – XV в. монахи доминиканского и францисканского орденов, а в XVI в. на позиции католицизма в массовом порядке начинает переходить православная шляхта, реализуя неукоснительный принцип польского варианта Контрреформации: «шляхтич – католик». Несмотря на совершенно несравнимое преобладание среди населения Великого княжества Литовского православных, католики сразу же становятся особо покровительствуемой группой, получают ведущие права во всех сферах жизни, включая религиозную. Так, уже в 1511 г.

городской аппарат самоуправления в столичном воеводском Новогрудке состоял наполовину из православных, а наполовину из католиков¹⁹, в то время как в этом центре православной митрополии был всего навсего один католический приход.

Общие моменты все еще ненаписанной истории католицизма на белорусских землях довольно точно изложены знаменитым деятелем белорусского национального движения первой половины XX в. ксендзом Адамом Станкевичем в ряде его рукописных работ. Вот что он сообщал в 1940-е годы в одной из них: «...Католичество стало проникать на Беларусь со временем Ягайлы (XIV в.), когда Беларусь начала входить в тесные отношения с Польшей. Позднее факторами, способствующими распространению католичества в Беларуси, были: а) раздача белорусскому боярству польских дворянских гербов (XV в.), б) переход белорусского боярства в кальвинизм, а далее – в польское католичество, с) Люблинская (1569) и Брестская (1596) унии, которые широко открывали для Польши в Беларуси дорогу к политической, культурной и религиозной жизни, д) ликвидация Николаем I религиозной унии (1839) и массовый (2 миллиона) переход белорусских униатов в латинское (польское) католичество, е) 20-летнее существование на землях западной Беларуси польской государственности (с 1920 г.), когда белорусские католики массово переходили в польское католичество, т. к. иначе они считались бы неполноправными гражданами.

...Католичество в Беларуси с самого начала его здесь появления стало действительно польской верой. Не удивительно, что и сегодня его тут многие так и называют. Польские политики всегда старательно заботились, чтобы католичество в Беларуси было не универсальным, как свидетельствует само его название, а исключительно польским. И в самом деле, католический костел в Беларуси всегда был инструментом польской политики. Однако из этого не следует, что все католики в Беларуси – это поляки. Нет. Полякам через костел и другими путями удалось полонизировать только незначительный процент белорусского народа и прежде всего на самых западных белорусских этнографических рубежах, в целом же белорусский народ остался

¹⁷ См.: Лабынцев Ю. Литовская кирилловская письменность XIII–XV вв. и Катехизис М. Мажвидаса // Senosios raidijos ir tautosakos srveika: kulturinė Lietuvos Dichtiosios Kunigaikštystės patirtis. Vilnius, 1998. P.176–182.

¹⁸ См.: Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л. Полоцк – колыбель Православия на Беларуси. Минск; Полоцк, 1992. С. 35–37.

¹⁹ См., напр.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 71.

верным своему языку, обычаям, своей национальности»²⁰.

Все сказанное белорусским католическим ксендзом Адамом Станкевичем полвека назад полностью подтвердил в конце 1990-х годов такой авторитетный наблюдатель, как Ежи Гедройц. На вопрос, как он «оценивает деятельность католического Костела у наших соседей на востоке», был дан весьма критичный ответ: «Негативно. Там попросту проводится обычная полонизаторская акция. Польские ксендзы, которые туда приезжают и занимают там все приходы, прежде всего занимаются миссионерской деятельностью, то есть не столько опекой поляков и польских костелов, сколько обращением православных белорусов в католицизм...»²¹.

Католики в Беларуси проживают в основном в местностях вдоль северной части белорусско-польской границы, вдоль всей белоруско-литовской границы, а также к западу от Минска в верхнем течении Немана и его притоков. Пожалуй, чуть ли не большинство католиков Беларуси причисляет себя ныне к полякам. Так сложилось исторически, хотя правды тут нет никакой. «На Украине, — пишет бывший атташе по культуре посольства Польши в Беларуси П. Пшецишевский, — мы видим украинцев-католиков, которые по происхождению поляки, а на Беларуси едва ли не все, кто считает себя поляками, по происхождению белорусы. Кресы коронные (украинские) и Кресы литовские (белорусские) со времен Люблиńskiej униони были как два разных мира... “Я тутейший, я католик — так видно поляк”, — приблизительно так отвечают белорусские католики-сельчане на вопрос о своей национальности».²² Расставить все на свои места помогает, в частности, анализ языковой ситуации в прошлом — далеком и не очень — и теперь. Наши собственные наблюдения, в том числе экспедиционные, изучение всевозможных архивных материалов убеждают в том, что в абсолютном большинстве случаев католики Беларуси ведут свою родословную от

Старинная деревянная церковь во имя свв. Петра и Павла в деревне Валевка возле знаменитого озера Свityзь, воспетого Адамом Мицкевичем. Фото авторов.

коренных местных жителей восточнославянского происхождения. Католики же — этнические поляки в Беларуси — явление довольно редкое. И здесь мы вполне солидарны с мнением все того же П. Пшецишевского, который недавно писал: «Эти люди привязаны к польскому литургическому языку, который достойно заменил латынь и сохранил красивую старинную паралитергию. Однако чаще всего эти же люди не понимают польскоязычные проповеди, а к приехавшим из Польши ксендзам, если совсем не могут по-польски, обращаются “по-русски”... И совсем не видно светских верующих, которые бы встречались вне костела и говорили бы между собой по-польски... Старшее поколение “тутейших поляков”, привязанных к польскому языку и обрядности, вымрет. Оставит после себя кресты с польскими надписями и польским правописанием своих белорусских фамилий с обычным окончанием на

²⁰ Центральная научная библиотека им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси. Отд. рукописей. Ф. 4. Оп. 1. Л. 22. Л. 1–4.

²¹ См. интервью Е. Гедройца: *Prawda w oczy, groch o ścianie // Rzeczpospolita*. 1996. 17–18 lutego.

²² *Пшацішэўскі П. Беларускія каталікі — якія яны? // Наша вера*. 2000. № 1. С. 79.

Cp.: Kabzinska I. Wśród «kościelnych Polaków» wyznaczniki tożsamości etnicznej (narodowej) Polaków na Białorusi. W-wa, 1999; Nowicka E. Polacy czy cudzoziemcy: Polacy za wschodnią granicą. Krakow, 2000.

Любопытно, что даже такой вдумчивый и многоопытный исследователь, как С. Литак, по сей день предлагает использовать конфессиональный критерий при определении этнической принадлежности жителей Великого княжества Литовского: «В целом католики латинского обряда — это население литовское и польское, а униаты и православные — русское» (*Litak St. Stosunki kościelne na ziemiach litewsko-ruskich w latach 1772–1815 // Ziemia Połnocna Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772–1815*. Wa-wa; Toruń, 1996. S. 77).

-ич, носители которых внесли такой огромный вклад в культуру Польши».²³

Современные католики Беларуси часто видятся стороннему наблюдателю и даже ученым неким социально-культурным и конфессиональ-

В настоящее время количество католических приходов в Беларуси приближается к числу существовавших в 1917 г., когда их насчитывалось 445, и это несмотря на явное уменьшение католического населения²⁵. Примечательно, что к моменту

Каменный храм во имя св. Димирия Солунского (XVIII в.) в деревне Щорсы, где неоднократно бывал и Адам Мицкевич и написал несколько своих известнейших сочинений. Фото авторов.

ным монолитом. На самом деле это далеко не так. Прежде всего необходимо различать так сказать «старых», или «традиционных», католиков и католиков «новых», хотя подобное деление довольно условно. К последним, например, можно отнести многих католиков на Полесье, о переходе которых из униатства в католичество в 1837–1839 гг. сохранились целые подборки архивных документов²⁴. К «старым», «традиционным», католикам принадлежат, в частности, верующие окресты Новогрудка.

первого раздела Речи Посполитой, в 1772 г., на территории современной Беларуси имелось всего лишь 224 католических прихода²⁶.

Теперь обратимся к вещим словам Адама Мицкевича о постепенности распространения польского языка в Великом княжестве Литовском²⁷ – они суть тезисы или абрис той формулы развития или, точнее, бытования польского языка на землях Великого княжества Литовского, которые с различными корректи-

²³ Пишцишэўскі П. Указ. соч. С.82-84.

²⁴ См., напр.: Lietuvos valstybino istorijos archyvas. F. 634. II. № 475, 479, 480, 481 и др.

²⁵ См.: Matiunin S. Granica pomiędzy Kościółem a Cerkwią Prawosławną na terenie współczesnej Białorusi w wieku XX // Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) В. м. 1997. С. 311–318. О быстро меняющейся ситуации в католическом костеле в Беларуси см.: Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мінск, 1998; специальный web-site: //cacedu.unibel.by.

²⁶ Подробнее см.: Litak St. Kościół łaciński w Rzeczypospolitej około 1772 roku: Struktury administracyjne. Lublin, 1996.

²⁷ См.: Mickiewicz A. Dzieła. W-wa. 1995. T. 9. S. 6–8.

ровками подтверждаются позднейшими исследователями, особенно теми, кто так или иначе был связан с этими регионами²⁸. В настоящий момент, как показывают наши наблюдения, языковая ситуация в среде католиков Беларуси наследует существовавшую прежде, с тем лишь различием, что сейчас уже нет той давнишней польскоговорящей католической элиты, основу которой всегда составляла местная шляхта, а позднее – ее потомки.

Эта шляхта вплоть до XX столетия хранила в своих сердцах память о Великом княжестве Литовском, своей утраченной Атлантиде, о чем так проникновенно в начале 1830-х годов напишет и сам А. Мицкевич в первых строках «Пана Тадеуша»: «Litwo! Ojczyzna moja...». Одним из стержней этой живой исторической памяти был Литовский Статут – «конституция» державы, некогда принадлежавшей к числу крупнейших в Европе. Литовский Статут, или, правильнее, Статут Великого княжества Литовского²⁹ – всегда виделся не только символом независимости государства, но и предметом особой национальной гордости белорусов, литовцев и отчасти украинцев³⁰. Как литературный памятник он вобрал в себя все лучшее из сферы богатейшего кирилло-мефодиевского наследия Великого княжества Литовского. Именно Литовский Статут стал своего рода книгой жизни А. Мицкевича. Он был главным руководством в доме отца поэта Николая, новогрудского адвоката и минского землемера. В течение ряда школьных лет и сам Адам, выбранный председателем товарищеского суда, руководствовался «Статутом Великого княжества Литовского, согласно положениям которого велась судебная книга»³¹, как вспоминал его старший брат Франтишек. Стоит ли говорить, что в Виленском Императорском университете,

открытом в 1803 г., куда А. Мицкевич поступает осенью 1815 г., ему вновь доводится напрямую соприкасаться с этим уникальным документом – правовым и литературным памятником, о котором он услышит много нового от своих друзей и наставников, таких, например, как профессора И. Лелевель и И. Данилович (ставшим одним из выдающихся исследователей и пропагандистов кирилло-мефодиевской традиции Великого княжества Литовского³²).

Новогрудчина к моменту рождения А. Мицкевича сохраняла на своих просторах множество памятников кирилло-мефодиевской духовной традиции, можно сказать, была переполнена ими. Традиция эта жила здесь еще достаточно полноценна, продолжая прорастать из времен православной Древней Руси. Все это в совокупности – церкви и церковная литургия, иконы, церковнослужители, монахини и монахи, церковные книги, белорусское простонародье – окружало со всех сторон молодого А. Мицкевича, приходило в их дом и оказывало на поэта огромное влияние. Не исключено, что и предки А. Мицкевича исповедовали ту же – православную – духовную традицию, особенно, если учесть большую вероятность его нешляхетского происхождения³³. И потому нельзя не согласиться с Е. Ключевским, который написал: «...для тех поколений, для Мицкевича, Польша – это еще прежде всего давняя Речь Посполитая с целой ее мозаикой народов и религий»³⁴. Правда, в данную трактовку необходимо сразу внести весьма существенные количественные корректизы.

Так, на конец XVIII в. в Новогрудском воеводстве было примерно 160 униатских приходов³⁵, 50 православных приходов, принадлежавших Киевской епархии³⁶, 12 базилианских монастырей³⁷, а римско-католических приходов было

²⁸ См., напр.: Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wilenszczyźnie. Vilnius, 1995; Лабынцев Ю.А. Поэтические опыты предтеч Адама Мицкевича из околиц Новогрудка // Studia Polonica. М., 2002. С. 198–213.

²⁹ См.: Статут Великого князества Литовского. В Вильни, 1588.

³⁰ См., напр.: Лабынцев Ю.А. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. – памятник белорусской старопечатной литературы (к 400-летию выхода в свет) // Сов. славяноведение. 1988. № 5. С. 75–84.

³¹ Mickiewicz Fr. Pamietnik. Lwów, 1923. S. 56.

³² См.: Лабынцев Ю.А. Русская элита пушкинской поры и культурное наследие Великого княжества Литовского. Научные искания профессора И. Даниловича // Пушкин – Беларуская культура – Сучаснасць. Минск, 1999. С. 189–192; Он же. Н.П. Румянцев и изучение белорусско-литовского летописания и права: Деятельность профессора И. Даниловича // Н.П. Румянцев и славянская культура. М., 2000. С. 40–51.

³³ Об этом в последнее время пишется все чаще. См., напр., большую подборку мнений и фактов из сей счет: Białokozowicz B. Jeszcze raz o pochodzeniu Adama Mickiewicza: Kryterium, dziedzictwa krwi i przesłanie polskosci kulturowej // Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe. Białystok, 2000. Т. 2. С. 99–127.

³⁴ Kłoczowski J. Dzieje chrześcijaństwa polskiego. W-wa, 2000. S. 257.

³⁵ См.: Kolbusz W. Kościół Wschodni w Rzeczypospolitej około 1772 roku: Struktury administracyjne. Lublin, 1998. S. 49.

³⁶ Ibid. S. 68.

³⁷ Ibid. S. 60.

всего несколько³⁸. Даже в самом Новогрудке во времена рождения А. Мицкевича во многом доминировала древняя кирилло-мефодиевская традиция, службы на церковно-славянском языке шли, по крайней мере, в четырех униатских церквях³⁹ и двух монастырях – мужском⁴⁰ и женском⁴¹, а чуть позднее также в одной, возможно, православной церкви⁴², каковых за столетие до этого здесь было не менее 10⁴³.

Примечательно, что тогда же знаменитая чудотворная икона Богоматери Новогрудской сыграла особую роль в судьбе поэта. Как рассказывал и писал он сам – икона помогла вернуть к жизни его, малютку, выпавшего из окна⁴⁴. Отныне и навсегда образ этот остался в памяти А. Мицкевича. Виделся он ему постоянно и в далеком Париже⁴⁵. В «Пане Тадеуше» читаем:

«... Tu, co grod zamkowy/ Nowogrodzki ochraniasz
z jego wiernym ludem!/ Jak mnie dziecko do zdrowia
powróciłaś cudem...»⁴⁶.

Необходимо вспомнить и о постоянных контактах и каких-то «делах» отца поэта с настоятелем новогрудской церкви Святителя Николая священником Александровичем, с которым они вместе во время страшного пожара города в 1811 г. на глазах Адама спасали архивные документы, хранившиеся на колокольне храма⁴⁷; о священнослужителях, истцах и ответчиках по многочисленным делам, которые вел или в кото-

рых участвовал Николай Мицкевич. В доминиканской новогрудской школе, куда А. Мицкевич поступает в 1807 г., он начинает изучать русский язык, на котором тогда же, по словам его брата Александра, будущего профессора права Харьковского университета, «читает бегло»⁴⁸, а затем, уже в университетские годы, подробно знакомится и с богатой русской литературой⁴⁹.

Вместе с тем А. Мицкевич с детства неплохо понимал, а возможно, и практически владел белорусским языком, что в огромной степени отразилось в его писаниях на протяжении всей жизни⁵⁰. Замечательны разнообразные классификации и характеристики поэта, касающиеся славянских языков, в том числе церковно-славянского, с которым он столкнулся еще в раннем детстве. О последнем А. Мицкевич, в частности, писал как о «языке мертвом, языке религиозном»⁵¹, однако входящем в некий общеславянский синкретизм, в пространстве которого «mogą się bez wzajemnej nieufności spotkać Polak i Rosjanin, Czech husyta i Czech katolik, Brat Morawski i mnich z górzystego Atos, Iliryjczyk, używający głagolicy, i Serb posługujący się cyrylicą, Litwin i Kozak»⁵².

Совсем не случайно у молодого А. Мицкевича появляются не только друзья – выходцы из униатских семей и даже семей униатских священников, но и сами униатские священники, образы которых сразу же перекочевали и в его поэти-

³⁸ См.: Litak S. Stosunki kościelne na ziemiach litewsko-ruskich w latach 1772–1815 // Ziemia Połnocne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772–1815. W-wa; Toruń, 1996. S. 69.

³⁹ См.: Kolbusz W. Op. cit. S. 89; Lietuvos valstybinio istorijos archyvas. F. 604. № 365.

⁴⁰ Kolbusz W. Op. cit. S. 350; Lietuvos valstybinio istorijos archyvas. F. 604. № 522.

⁴¹ Kolbusz W. Op. cit. S. 353.

⁴² Об этом пишет брат А. Мицкевича Александр. См.: Realia mickiewiczowskie. W-wa, 1952. S. 41.

⁴³ См.: напр.: Kirkor A.K. В Белорусском полесье // Живописная Россия. СПб; М., 1882. Т. 3. С. 373.

⁴⁴ См., напр.: Ziembka T. Młodość Mickiewicza. Kraków, 1997. S. 13.

⁴⁵ См., напр.: Piszczałkowski M. Nieznany Kancionał z przełomu XVIII i XIX w. // Ruch Literacki. 1966. Z. 6. S. 299.

⁴⁶ Mickiewicz A. Dzieła. Wa-wa, 1995. T. 4. S. 11.

⁴⁷ Mickiewicz Fr. Pamietnik. Lwow, 1923. S. 60–72.

⁴⁸ Realia mickiewiczowskie. Wa-wa, 1952. S. 41.

⁴⁹ См.: Ogłoszenie lekcji w Imperatorskim Uniwersytecie Wilenskim... w roku 1815... 1816... Wilno, [1815]; Ogłoszenie lekcji... w roku 1816... 1817... Wilno, [1816]; Ogłoszenie lekcji... w roku 1817... 1818... Wilno, [1817]; Ogłoszenie lekcji... w roku 1818... 1819... Wilno, [1818].

Говоря о познаниях А. Мицкевича в русском языке и литературе, нельзя не упомянуть о сообщении посла Польши в России Анджея Залузского, которое он сделал в передаче «Горячее интервью» на радио «Эхо Москвы» 22 января 2002 г. Посол, кстати – выпускник филологического факультета Ягеллонского университета, сказал буквально следующее: «Выдающийся поэт периода романтизма Польши Мицкевич, когда находился не по своей воле в царской России, был сослан, выступал на салонах, импровизируя. Но надо знать о том, что он же не говорил на русском языке» (см.: <http://www.echo.msk.ru>). Стоит ли удивляться тому, что обычный польский школьник или даже студент, не говоря уже о технической интеллигенции и поляках, не получивших образования, никак не могут связать имя А. Мицкевича с реальным знанием им русской культуры и русского языка и тем фактом, что поэт практически никогда не бывал в самой Польше.

⁵⁰ Работ об этом написано уже немало. Укажем на весьма примечательную, на наш взгляд, в данной связи статью известной польской белорусистки, проф. Э. Смульковой: Смулькова Э. Беларускія элементы ў творчасці Адама Мицкевіча // Адам Мицкевіч і нацыянальная культура. Мінск, 1998. С. 315–322.

⁵¹ Mickiewicz A. Dzieła. T. 8. W-wa, 1955. S. 18.

⁵² Ibid. S. 23.

ческие произведения, в частности, в «Дзяды». Особенно близки были молодому поэту с самых юных лет отец и сын Горбацевичи, Тимофей и Иоанн – настоятели Преображенской церкви в Цырине, к югу от Новогрудка, в окрестностях Заосья⁵³. Весьма вероятно, что И. Горбацевич являлся одним из первых учителей шести–семилетнего Адама, ходившего на занятия в приходскую школу в Столовичах, где преподавал сын о. Тимофея.

В Вильне круг близких знакомых А. Мицкевича заметно расширился, в него попали многие молодые университетские профессора, дети униатских священников, среди них И. Данилович и замечательный исследователь церковно-славянской старины о. М. Бобровский⁵⁴. С этой стариной А. Мицкевич продолжал знакомиться и даже

изучать ее и на Новогрудской земле, в частности, в известной библиотеке Хрептовичей в Щорсах, где он с 1819 г. неоднократно бывал и плодотворно работал⁵⁵. Совсем рядом со Щорсами, всего в пяти верстах к северу, находился древний Лаврышевский монастырь, в котором тогда хранилось знаменитое в среде славистов всего мира пергаменное Лаврышевское евангелие – едва ли не главное из сохранившихся доныне символических свидетельств исконных православных устоев Новогрудской земли и всего Великого княжества Литовского, многовековой верности их тысячелетней кирилло-мефодиевской духовной традиции. Евангелие исчезло из обители при весьма неясных обстоятельствах и, в конце концов, уже после смерти А. Мицкевича оказалось в Кракове⁵⁶.

⁵³ См., напр.: Янкевич З. Цырынскі гравка-каталікі ліканат // Адам Міцкевіч і нацыянальная культура. С. 428–436.

⁵⁴ См.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998; Она же. Гумянцевское десятилетие пушкинской эпохи и зарождение белорусской гуманитарной науки: исследования о. Михаила Бобровского // Пушкин – Беларуская культура – Сучаснасць. С. 210–217; Она же Н.П. Румянцев и начало белорусоведческих исследований: Деятельность профессора М.К. Бобровского // Н.П. Румянцев и славянская культура. С. 52–61.

⁵⁵ См., напр.: Dernałowicz M., Kostemcz K., Makowiecka Z. Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798–1824. [W-wa], 1957. §. 166, 170–171 и др.

⁵⁶ См.: Smorag Rożycka M. Ewangeliarz Ławryszewski. Krakow, 1999. S. 26–27.